

Рита Вебер

Соловки: вечная память, вечная жизнь

О книге «...Пребывает вечно».
Письма П.А. Флоренского, Р.Н. Литвинова,
Н.Я. Брянцева и А.Ф. Вангенгейма
из Соловецкого лагеря особого назначения*

Перед нами – первый из четырех томов задуманного автором-составителем П.В. Флоренским документального повествования. Основу издания составляют письма, посланные из Соловецкого лагеря особого назначения священником Павлом Флоренским.

Павел Александрович Флоренский – «один из плеяды людей универсального знания, из круга ученых, мыслителей-энциклопедистов в истории человечества. В Италии его называют “русским Леонардо”, во Франции “русским Паскалем”. Можно добавить: “Ломоносов нового времени”»¹.

Для составителя книги священник, ученый, мыслитель П.А. Флоренский всегда был родным человеком – дедом. Полвека назад, вспоминает Павел Васильевич, ему довелось гостить у родственников на Кавказе, и там ему передали «целую наволочку» писем из семейного архива, которую он со страхом спрятал в полевой рюкзак. «Со страхом, потому что в это время имя хотя и реабилитированного, но все же репрессированного деда было еще под запретом, распространявшимся и на его сочинения. Пожалуй, самым страшным компроматом виделась картина М.В. Нестерова “Философы” (1917), фотографию которой как-то по секрету, заперев комнату, показала мне бабушка Анна Михайловна»².

Перевязанные в стопочки, пронумерованные, такие письма, дожидаясь времени, когда им «настанет свой черед», бережно хранились во многих семьях на чердаках, в чуланах, в укромных местах, передавались детям и внукам...

«Казалось, что от деда меня отделяла непреодолимая по времени пропасть, – пишет П.В. Флоренский. – Его время – и мое... То, что я вырос среди людей, знавших и любивших его, было естественно, а потому и недооценено <...> Я собирал все упоминания о нем в печати, но живых лю-

* ...Пребывает вечно. Письма П.А. Флоренского, Р.Н. Литвинова, Н.Я. Брянцева и А.Ф. Вангенгейма из Соловецкого лагеря особого назначения. В 4-х томах. Т. 1 (13 октября 1934 г. – 16 мая 1935 г.) / Авт.-сост. П.В. Флоренский. Вступ. статья П.В. Флоренского. Комм.: П.В. Флоренский, И.С. Жарова, Л.В. Милосердова, А.И. Олексенко, А.А. Санчес, В.П. Столяров, В.П. Флоренский, Т.А. Шутова. – М: Международный Центр Рерихов; Мастер-Банк, 2011.

¹ Там же. С. 6.

² Там же. С. 12.

дей пропускал: успею еще. Сознательно и планомерно я стал собирать сведения о соловецком периоде, когда погрузился в его письма, – с начала 1960-х гг. Стал собирать сведения о солагерниках деда, искать их потомков <...> В результате сложилось представление о том, как и с кем дед провел три последних года жизни»³.

Священник Павел Флоренский и его современники жили в эпистолярное время. Культура эпистолярного общения, унаследованная ими от родителей и от родителей родителей, умение писать и хранить письма были неотъемлемой и естественной принадлежностью интеллигенции. Толстой, мы помним, за свою долгую жизнь написал более

десяти тысяч писем, а получил около пятидесяти тысяч. Он бранил телеграфы, ненавидел поезда, но никогда нигде не обмолвился недобрым словом о почте. Бережно относился к письмам и А.П. Чехов. Письма – это бесценные свидетельства. В них с документальной достоверностью запечатлен образ времени, не только нравы, занятия, чувства писавших их людей, но и образ мыслей, переломы мировоззрений, научные озарения, философское постижение жизни...

Друг Флоренского В.В. Розанов называл письма «золотой частью литературы». Без писем Е.И. Рерих, без «Листов дневника» Н.К. Рериха идеи Живой Этики не стали бы актуальной и востребован-

³ ...Пребывает вечно. Т. 1. С. 16.

М.В. Нестеров. Философы. 1917

ной частью современной культуры. Жанр этот один из самых древних, напоминает нам автор-составитель книги; письма, найденные при раскопках, дают представление об ушедших цивилизациях, а письма апостолов, обращенные к близким людям или христианским общинам, в том числе послания Апостола Павла, небесного покровителя священника Павла Флоренского, составили часть Священного писания.

Именно в письме о. Павел высказал идею о пневмосфере. 21 сентября 1929 года он писал академику Вернадскому о существовании в биосфере «особой части вещества, вовлеченного в круговорот культуры, или, точнее, в круговорот духа», об особой стойкости «вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусства. Это заставляет подозревать существование и соответственной особой сферы вещества в Космосе»⁴.

Именно в письмах Павел Флоренский сформулировал мысль о том, что «семейные издательства», собрания, архивы – *генодицея*, оправдание рода, семьи (род как носитель Вечности) – представляют «общественную и научную значительность». В письме-завещании «Детям моим» он писал: «Старайтесь записывать все, что можете, о прошлом рода, семьи, дома, обстановки, вещей, книг и т.д. Старайтесь собирать портреты, автографы, письма, сочинения печатные и рукописные всех тех, кто имел отношение к семье, к роду, знакомых, родных, друзей. Пусть вся история рода будет закреплена в вашем доме и пусть все около вас будет напитано воспоминаниями...»⁵ Для рода Флоренских, для его детей и внуков сбережение и возвращение имени и наследия П.А. Флоренского стало главным семейным делом.

Слово Флоренского – *символ*, пишет Павел Васильевич в предисловии, оно всегда обращено к тем, кто в той или иной степени сродствен автору по мироощущению, – к личности, к лицу, а не к среднестатистической абстрактной публике. По сути, все его труды – это «личные беседы или письма, наполненные интимным внутренним светом, играющим на гранях композиции, и обращенные к читателю-другу»⁶. Иногда письма превращались в главы его трудов.

Текст от составителя в этой книге (как и весь корпус текстов, сопутствующих публикации соловецких писем) – по сути, тоже письмо, обращенное к мыслящему современнику. П.В. Флоренский наследует своему знаменитому деду не только

в интонации, предельно искренней и исповедальной, но и в «органическом» мышлении.

Об этом, чтобы понять замысел книги, ее композицию и внутренний сквозной сюжет, стоит сказать подробнее. Сам П.А. Флоренский во вступлении к фундаментальному труду «У водоразделов мысли» обрисовал «строение такой мысленной ткани» как «не линейное, не цепью, а сетчатое, с бесчисленными узлами отдельных мыслей попарно, так что из любой исходной точки этой сети, совершив тот или иной круговой обход и захватив на пути любую комбинацию из числа прочих мыслей, притом в любой или почти любой последовательности, мы возвращаемся к ней же»⁷.

Книга на наших глазах выстраивается по этим природным законам, ее опорные «узлы» по мере чтения оформляются, сопрягаясь с прошлым и настоящим, насыщаясь многообразием перекликающихся, дополняющих друг друга смыслов-символов – «как это вообще бывает во всем живом».

Письмо как текст – это энергетический импульс, транслятор метаисторических, «проработанных духом» образов времени, образа мыслей, *мыслеобразов*, где мозаичность, фрагментарность дает «простор органически зреющей мысли, дает единство и связность на более высоком уровне».

В то же время письма – это целостное литературное произведение; в нем, как в классической драматургии, есть единство места, времени и действия. *Место и время* – Соловки 1930-х, «государство в государстве», сталинская цивилизация со всеми ее механизмами и метастазами, напластованиями социокультурного гумуса, с бесчеловечной и самонадеянной идеей принудительно переделать, перековать человеческий материал, «железной рукой загнать человечество к счастью». *Действие* – органическое противостояние всему этому соловецких узников как подтверждение того, что Культура, «возникнув и утвердившись, уже неистребима <...> и прежде всего живет в сердце человеческом», что она «есть уже ручательство в невозможности отступления»⁸.

С дотошностью ученого-геолога и «упорством филателиста» П.В. Флоренский исследует, систематизирует все подходы к теме, весь исторический и метафизический контекст, встраивая наследие Павла Флоренского и письма, судьбы его союзников по Соловкам в Пантеон имен и посланий, созданных «в узилище», «в железах». Эту литературу он оценивает как «никогда не выклинивающийся пласт культуры».

⁴ ...Пребывает вечно. Т. 1. С. 5.

⁵ Священник Павел Флоренский. Детям моим. М., 1992. С. 440.

⁶ ...Пребывает вечно. Т. 1. С. 8.

⁷ Там же. С. 11.

⁸ Рерих Н.К. Листы дневника. В 3 т. Т. 1. М.: МЦР, Мастер-Банк, 1999. С. 83.

Много сделавший для того, чтобы труды его деда стали достоянием людей, П.В. Флоренский фиксирует на его примере тектонический сдвиг, случившийся в общественном сознании в конце XX века: «...грянул обвал публикаций трудов П.А. Флоренского и статей о нем в СССР и за рубежом. Его имя вошло в обиход тех, кого принято упоминать. <...> Когда-нибудь стоит проанализировать изменения его облика в глазах прессы. Мои усилия легко растворяются в общем движении освоения наследия П.А. Флоренского, тем более что теперь собирать библиографию о нем мне одному стало не под силу...»⁹

Для многих священник Павел Флоренский – это прежде всего человек, подвергшийся сталинским репрессиям. «Для православных христиан он исповедник, хотя и не канонизированный мученик, ибо для богословов он слишком уж образованный священник. На другой план отодвинулось то, что П.А. Флоренский развивал идеи В.С. Соловьева о всеединстве, формулировал и создавал целостное мировоззрение, вел обширную научную работу»¹⁰. Одной из значительных попыток вписать труды и личность Павла Флоренского в контекст мировой культуры его внук считает раздел в книге Л.В. Шапошниковой «Вселенная Мастера», где она находит место Флоренскому среди ученых-посланников, создателей новой системы познания, науки будущего, «которая вберет в себя многовековой опыт человеческого познания, “очеловечится” и получит возможность приблизиться к вечным и непреходящим истинам самой Реальности <...> Он нес все это нам»¹¹.

Читая письма, вдохновляясь ими, проходя скрытые в междустрочьи круги соловецкого ада, отдаешь должное силе духа, многолетнему труду составителя этой книги, испытываешь благодарное чувство ко всем, кто принимал участие в ее создании. П.В. Флоренский подчеркивает благоговейное отношение к этому изданию всех, к кому он обращался за помощью, называет всех поименно, перечисляет все архивы, культурные учреждения, оказывавшие ему содействие, всех, кто готовил тексты и комментарии, примечания, справочный аппарат, кто предоставил иллюстративный материал. Особо выделена благодарность Международному Центру Рерихов и сотрудникам его публикаторского отдела. «Эта помощь становилась для многих служением памяти нашему трудному прошлому. Низкий поклон вам всем

от потомков погибших в тяжелые годы», – пишет П.В. Флоренский в предисловии.

Промыслительными, неслучайными называют его свои встречи с наследниками тех, кого сблизил общая судьба, с внуками друзей своего деда: «каждая была чудом»; «время сжалось для меня, и я почти буквально соприкоснулся с Соловецким лагерем...».

Поразило его и сходство биографий соловецких узников:

«Все четверо родились в семьях государственных служащих, чиновников разного ранга, и были людьми широко образованными и активными, уделявшими много времени и сил воспитанию своих детей. Двое старших – П.А. Флоренский и А.Ф. Вангенгейм – окончили Московский университет; младшие – Н.Я. Брянцев и Р.Н. Литвинов – выпускники Варшавского политехнического.

Старшие завершили образование и начали трудиться на государственной службе еще в первое десятилетие XX в., а к 1917 г. занимали заметное место в области своей специализации. Младшие к началу Первой мировой войны только-только закончили

Соловки. Крепостная башня и Никольские ворота. Фото П.В. Флоренского. 1966

⁹ ...Пребывает вечно. Т. 1. С. 13–14.

¹⁰ Там же. С. 15.

¹¹ Шапошникова Л.В. Великое путешествие. Кн.3: Вселенная Мастера. М.: МЦР; Мастер-Банк, 2005. С. 716–717.

Алексей Феодосьевич Вангенгейм. 1929

образование. Но с начала 1920-х гг. жизни всех четверых синхронны как между собой, так и с ритмом страны. Все четверо стали лидерами на избранных ими поприщах. Однако будучи по происхождению «из бывших», они не всегда вписывались в окружающую обстановку, проходя через чистки и проверки, но сохраняя при этом честь и достоинство. <...>

Все четверо были арестованы почти одновременно и по абсурдным обвинениям...»¹² Литвинова посадили за то, что он якобы разрабатывал «особые лучи» (ультракороткие волны) для убийства Сталина; Вангенгейма – за вредительскую работу в гидрометслужбе; Брянцева – за шпионаж в пользу Польши и участие в контрреволюционной организации белых офицеров с целью создания Правительства Сибирского. Для ареста о. Павла Флоренского достаточно было того, что он не сложил с себя сана священника и на госслужбу ходил в рясе.

Символично, что биографии дедов написали их внуки: о Флоренском-старшем – Флоренский-младший; о Р.Н. Литвинове – тоже внук, полный тезка своего деда, Роман Николаевич; о Николае Яковлевиче Брянцеве рассказали внук И.Н. Брянцев и его жена. Биография четвертого узника, Алексея Фео-

досевича Вангенгейма, составлена по документам ЦИАМ и книге «Возвращение имени»¹³.

При всей сложности, полифоничности замысла и структуры книги у Павла Васильевича есть очень простые определения: «Главная цель настоящего издания – воссоздать картину времени через видение ее глазами живших тогда людей. Чтобы помнить, чтобы знать, как жить дальше...» Соловки для него – это место, где злу противостояли мужество и благородство, безверие – вера. А на самый короткий вопрос, о чем книга, он отвечает совсем просто: о Любви.

Читая письма, мы ощущаем себя в живительном потоке той истории, которая существует «помимо историков», помимо всех идеологических институций, которая пребывает и прирастает вечно, созидая пневматосферу через личность, через личный пример, через деяния Любви.

Исторический очерк «Соловки: монастырь – лагерь – музей – монастырь» предваряет письма и подготавливает нас к их прочтению. Это книга в книге, здесь подробно прослежена история одного из удивительных мест русского Севера, начиная с археологических находок IV века. Место это уникально в том числе и по своей геологии, ландшафту, в формировании которого участвовал ледник, смещаясь со скандинавской части Беломорского щита на северную Европу. Вся земля на Соловках не коренная, а принесенная с материка, отмечал в письмах П.А. Флоренский, сравнивая ее со свезенными на остров заключенными.

В XV веке сюда пришли иноки Кирилло-Белозерского и Валаамского монастырей Савватий и Герман. Монастырь прирастал обителями, превращался в «осудареву крепость», где монахи были и иноками и воинами, защищавшими от северных вторжений Русь. В очерке названы их имена – Исидор Длинная Сабля, Аника Пушкарь, Ананий Грозный... Со временем Соловки стали оплотом духовной и экономической жизни государства и даже центром технического прогресса. К 1917 году под руководством архимандрита Иоанникия монахи имели свой флот, радиостанцию, сухой док – первый в России, морские промыслы, ремесленное производство и сельское хозяйство. «Монастырь содержал на свои средства госпиталь в столице, давал деньги в долг правительству, торговал с заграницей, участвовал во всемирных выставках, подумывал о покупке аэроплана»¹⁴. Соловецкая обитель обладала возможностью практически автономного существования, но участь ее была предрешена.

¹² ...Пребывает вечно. Т. 1. С. 17.

¹³ Возвращение имени. Алексей Феодосьевич Вангенгейм / Авт.-сост. В.В. Потапов, Э.А. Вангенгейм. М., 2005.

¹⁴ ...Пребывает вечно. Т. 1. С. 85.

С 1920 года, когда власть объявила, что на Соловки переведут лагерь, все накопленные драгоценности – богатые иконные оклады, ризы, утварь – были вывезены. Их выламывали из стен, разрушая иконные росписи, разбивали все, что нельзя было снять и унести. В 1923 году в ночь с 25 на 26 мая загорелось здание Казначейского корпуса. В очерке приведены слова о. Гурия о том, что недаром этот пожар возник в Страстную пятницу, перед самой Пасхой. Невозможно было в этом оскверненном месте совершать праздничное богослужение. «И пламя выбросилось в разных местах и церквах почти одновременно. Но страшно то, что пожар начался в храме Успения Божией Матери. Царица небесная испепелила Свою святыню за бесчестие братии и в предупреждение еще большего и неизбежного кощунства со стороны властей»¹⁵.

Приведение к покаянию неугодных ссыльных, чаще лиц духовного звания, издавна было одной из функций Соловецкого монастыря. Наказ содержать «под крепким караулом до смерти» и «использовать вечно в тягчайших трудах» соблюдался неукоснительно. «Среди первых известных узников Соловков – современник святителя Филиппа, несправедливо обвиненный в ереси игумен Троице-Сергиевой лавры Артемий; скоро вслед за ним из Московского Кремля в Соловецкий был сослан один из судей безвинно осужденного игумена, духовник Ивана Грозного и автор “Домостроя” поп Сильвестр. <...> Причудливое сплетение крестных путей соловецких узников и их судей будет повторяться и в советском концлагере, когда казавшиеся всесильными вершители судеб вдруг (а может, и не вдруг) низвергались в те же соловецкие казематы, что и их недавние жертвы»¹⁶.

В 1929 году на Соловки приехал А.М. Горький. Вскоре в журнале «Наши достижения» он опубликовал статью, в которой восхищался «мудростью и гуманностью чекистов» и утверждал: «Мне кажется – вывод ясен: необходимы такие лагеря, как Соловки». После того как советская «школа перековки» была героизирована и опозитирована «буревестником революции», лагерное начальство настолько распоясалось, что слухи о соловецких зверствах побудили Ягоду послать на острова специальную комиссию, после доклада которой около сорока сотрудников СЛОНа были арестованы, а 13 – расстреляны. Но на всякого Ягоду у советской карательной машины был в запасе свой Берия, и так далее.

До середины 1920-х в стране Советов в основном уничтожали дворянство, офицерство, духовен-

Заклученный Николай Яковлевич Брянцев.
Портрет работы заключенного П.Н. Пакишина

ство. Потом – интеллигенцию и крестьянство. Киров, вслед «отцу народов», четко определил задачу: «карать по-настоящему, чтобы на том свете был замечен прирост населения»¹⁷. На Соловках была реализована модель образцово отлаженного репрессивного механизма. Это был советский гротеск, модель государства, разделенного по классовому признаку, со своей системой привилегий и устрашения, со своей инфраструктурой и многими признаками современной цивилизации¹⁸. Библиотека, Общество краеведения, Биосад, музей, театр, художественная самодеятельность – казалось, тут все оборудовано для «счастья», за исключением того, что ты работаешь как раб, что власть присвоила себе право лишить тебя всех естественных человеческих прав – на переписку, на свидание с близкими, на твою свободу и индивидуальность и что в любой момент тебя могут поставить к стенке.

В очерке о Соловках есть сквозная тема, напрямую связанная с письмами, – рассказ о работе соловецкой почты, обстоятельный, подробный и уважительный, как о части коммуникативной культуры прошлого, сохранившей даже в этих обстоятельствах признаки добропорядочности:

¹⁵ ...Пребывает вечно. Т. 1. С. 93.

¹⁶ Там же. С. 69.

¹⁷ Там же. С. 87.

¹⁸ Там же. С. 93–155.

«Не сразу, постепенно, вчитываясь в письма заключенных и анализируя деятельность почты, обнаруживаешь сходство ее работы с трудом тюремных врачей, которые, следуя клятве Гиппократ, лечили людей, насколько это возможно...»¹⁹ Конечно, письма четырех соловецких узников, которые вошли в книгу, въедливо читали цензоры; но главное, что в них содержалось, – «вещество, проработанное духом», – было особистам недоступно и неподсудно, хотя опасность, исходившую от этих писем и от людей, их писавших, они, что называется, чуяли нюхом. Из 103 почтовых отправок Флоренского, например, пропало менее десяти.

Соловецкий лагерь был закрыт приказом Берии в 1939 году, с началом Финской войны. Заключенных вывезли, на Соловках была размещена военная база с мощной полевой почтой. С 1955 года началось обследование соловецких построек с целью реставрации и превращения в музей, который был создан распоряжением Совмина СССР от 10 января 1967 года. К концу 1960-х вокруг Соловков образовалось сообщество соловчан, в которое вошел и внук Флоренского. «К тому времени, когда раскрылись архивы, главной для нас стала тема Соловецкого концлагеря, Соловецких новомучени-

ков». И последняя стадия – восстановление древней обители. С 1989 года, по заявлению 22 жителей поселка, в основном сотрудников музея, была официально зарегистрирована православная община острова Соловецкий. «Это был Поступок, с которого началось действительное духовное, а тем самым и реальное Возрождение Соловецкого монастыря». В 1992 году в обитель вернулись честные мощи первых иноков – Зосимы, Савватия и Германа по Указу его Святейшества Алексия II. Соловецкий монастырь обрел статус музея-заповедника. Память о мучениках соловецких казематов хранится и почитается. За них молятся монахи, о них рассказывают экскурсоводы. Турфирмы привозят туристов посмотреть «заповедник батюшек». Главное, «Соловки перестали быть символом государственного “лобного места”, вернули себе свой монастырь, ставший тем, чем и должна быть обитель, – местом молитв за Россию»²⁰.

Очерк о Соловках содержит свод удивительных документов, историческое освоение которых только начинается. Кому-то может показаться, что книга перегружена, перенасыщена концентрированной информацией, комментариями, но каждый волен взять из нее сколько может. Беллетри-

¹⁹ ...Пребывает вечно. Т. 1. С. 144.

²⁰ Там же. С. 178.

На прогулке в соловецком лесу. Слева направо: А.Я. Мартинелли, М. Горький, Г.И. Бокий, А.П. Ногтев, И.М. Полозов. 1929

стики здесь нет. Это трудное чтение – оно требует затраты душевных сил. Уже один только иллюстративный ряд вызывает столько эмоций и ассоциаций, что их трудно вместить. Кадры из старых фильмов о Соловках, надписи-граффити на стенах, на спилах бревен (свою надпись оставил в Соловках и Д.С. Лихачев); охранники на лыжах, особисты за рабочим столом, они же на прогулке с Максимом Горьким; «Преподобные подвижники-поморы на пути к Соловкам», «Сплав леса» (гравюра по дереву), газета «Голос перековки», целая коллекция марок и открыток (в лагере было свое Бюро печати); портреты, созданные лагерными художниками; рисунки Ольги Флоренской и фотографии из семейного альбома Флоренских; почетные грамоты, студенческие билеты, авторские свидетельства; факсимильные страницы рукописей, обложки книг, портреты ученых, писателей; современные цветные фотопейзажи русского Севера – зимние закаты, вид с колокольни...

И наконец, сами письма.

Первое письмо Павел Флоренский пишет 13 октября 1934 года из *Кемперпункта* – перевалочного пункта на Поповом острове в г. Кемь. Письмо написано микроскопическим «лагерным» почерком на открытке с агитационным лозунгом «СОВХОЗНИК и КОЛХОЗНИК! Применяй минеральные удобрения! Повышай урожайность и доходность

полей!». Павел Александрович успокаивает близких: «Никаких особых причин для моего переезда не было, сейчас довольно многих переводят на север». Подробности неутешительные: ограблен в лагере, живет в «колоссальном бараке», отощал, ослаб, «сильное оупение и ослабление памяти». И при этом – удивительно! – тон письма не оставляет впечатления безнадежности и уныния.

Текст короткий, а примечания, комментарии к нему – на шести страницах; они равноправно входят в повествование. Здесь маршруты всех перемещений «з/к», его фотография и учетная карточка, в ней пункты: «а) этапирован, б) освобожден, в) умер, г) бежал». Пункт ВМН (высшая мера наказания) деликатно обойден.

Из примечаний мы узнаем, что барак был, оказывается, для привилегированных, для КР – эта аббревиатура означает здесь не контрреволюционеров, а канцелярских работников, спецов-управленцев СЛОНа; вместо сплошных нар в бараке были вагонки в два этажа.

Чуть раньше через Кемь прошел и Р.Н. Литвинов.

«Государство в государстве» работает на совесть, документирует, сортирует «человеческий материал», обеспечивает порядок; тут вам не каторга, а образцовое исправительно-трудовое учреждение, тут о людях заботятся, дают премии,

*На выдачу почтовой корреспонденции направляли монахов.
Кадр из фильма «Соловки», оператор С.Г. Савенко. 1928*

...Перед глазами стены Кремля соловецкого... Фото В.П. Столярова

паек и даже молоко за вредность. Поощрение ударников, особенно тех, кто делает даровую лагерную работу, обсуждалось на самом высоком уровне. В примечаниях приводится цитата из выступления Сталина. Добрый прищур, замедленно-размеренная речь, глумливый смысл: «...Мы плохо делаем, что нарушаем работу лагерей. Освобождение этим людям, конечно, нужно, но с точки зрения государственного хозяйства это плохо... Будут освобождаться лучшие люди, а оставаться – худшие. Нельзя ли повернуть по-другому, чтобы эти люди оставались на работе, – давать ордена, может быть? А то мы их освободим, вернутся они к себе, снюхаются опять с уголовниками и пойдут опять по старой дорожке. А в лагере другая атмосфера – там трудно испортиться»²¹.

В письмах узники Соловков оберегают близких от неприятных подробностей. Так, А.Ф. Вангенгейм, судя по первому письму, оказался не на каторге, а в санатории. Специалист-невропатолог прописал ему ванны, усиленное питание, регулярный режим, прогулки на свежем воздухе и даже сеансы гипноза. Из примечания узнаем, что по со-

стоянию здоровья он попал в «третью категорию», режим для которой был мягче.

А вот другое свидетельство о перевалочном пункте в г. Кемь: «...чистилище, первые круги Дантова ада... Бараки переполнены, шпана бесчинствует, начальство звереет; холодно, голодно и вши с клопами заедают»²². Автор – М.М. Розанов, журналист, сидел в Соловках в 1930–1932 годах.

А это впечатления пятнадцатилетнего «контрреволюционера», юного жизнерадостного романтика Юры Чиркова: «Восходящее солнце розовым окрашивало неподвижную воду бухты... Сияли на солнце белые колокольни... и это видение отражалось в зеркале бухты Благополучия – преддверии зловещего и таинственного лагеря-тюрьмы»²³.

Еще одно свидетельство, двадцатилетнего Анатолия Правдолюбова: «У нас было нечто, могущественно поддерживающее и радующее нас... Мы водворены были в обитель преподобных Зосимы и Савватия и прочих соловецких святых <...> в такое время, когда жизнь подобных нам была в безопасности от начальства. А до нас тут был произ-

²¹ ...Пребывает вечно. Т. 1. С. 228–229.

²² Там же. С. 201.

²³ Там же. С. 202–204.

вол и великая жатва людей Божиих»²⁴. В разделе «Персоналии» читаем: протоиерей, срок отбывал в 1935–1940-х. После лесоповала воевал на фронте, был тяжело ранен в бою за освобождение Пушкинских Гор.

Из книги С.П. Залыгина «Экологический роман»: «Жизни человеческой здесь не могло быть никогда – только что-то ей противоположное, антижизнь, антиявления. На рельсах заметил Голубев бумажные листочки... Карандашные записи на бумажных треугольничках стерлись, а кое-где все же прочитывалось: “Прощайте... мил... мои... Коленку бер... а... онечку особенно...” Прощались с родными, выбрасывая из теплушек с зарешеченными окнами, вдруг попадет треугольничек в добрые руки...»²⁵ Письма были единственной нитью, связывавшей их с миром, с домом, с жизнью.

Судьбы четырех главных героев этого документального повествования, романа в письмах, перекликаются с судьбами многих и многих людей разных сословий, национальностей, разных поколений, втягивая нас в стремительно расширяющееся пространство книги.

«...Авторы публикуемых писем незаурядны. Незаурядны, в первую очередь, тем, что они не просто отцы семейств, толковые инженеры, ученые, философы. Они не просто встроены в Мироздание, но и осознают себя его частью, – пишет П.В. Флоренский. – Рассказывая о частных вопросах, они, как правило, переходят к широким обобщениям, глубоким аналогиям, с уровня частного на уровень общечеловеческий. Читая эти удивительные послания, от первой до последней строчки пронизанные любовью, очищаешься душой, и возникает ощущение, что они обращены не только к родным и близким – эти письма обращены в будущее, к нам...»²⁶

Это затягивающее, увлекательное чтение. От письма к письму мы открываем для себя характеры этих людей, их семейные обстоятельства, привычки, они становятся ближе, и сердце сжимается при мысли, что жизнь их будет оборвана. Быт, разговоры о еде и одежде, забота о близких перемежаются в письмах с темами очень серьезными и важными. Николая Брянцева для начала тоже обокрали, но он не унывает («много ли лагернику надо»), просит жену прислать книги о водорослях, пластмассах, синтетических лаках и целлюлозе – он уже увлечен работой в химлаборатории, у него много энергии, практический ум человека, привыкшего приносить пользу стране. Его интересуют торфяные почвы, проблемы освоения Арктики, райони-

рования Сибири; он размышляет «о великих потрясениях мира, о колесе истории». Напоследок в каждом письме припасает что-нибудь забавное: «Завел кота, самым любимым его местом [стала] моя кровать. Хитрый. Утром бегаёт за мной, как собака, пока не дашь ему воблу. Не дашь – сам сворует! Целую Капочку, тебя и мамочку».

Все они разные. Алексей Феодосиевич Вангенгейм – самый дисциплинированный; он подаёт прошение в ударники, участвует в слете лагеров стенгазет, оформляет юбилейные выставки, пишет тезисы к Ленинским дням, рисует портрет Кирова на стекле, читает перед концертами лекции о стратосфере (лекции читали все, за них давали «премблюдю» и право на дополнительное письмо), а в свободное время обустроивает быт, чинит стол, форточку, изобретает термос, штопает одежду, рисует прелестные картинки-загадки для маленькой дочери, кулинаричит («уже два раза готовил себе и сокамерникам шарлотку» из черных сухарей). «Ты напрасно думаешь, что я затушевываю вопрос о своем питании», – успокаивает он жену и хвалит ее за то, что она «в материальной нужде выполняет колоссальную советскую работу». Добавим, что А.Ф. Вангенгейму, бывшему начальнику Гидрометеорологического комитета при Совнаркоме СССР, было поручено руководить иностранным отделом замечательной соловецкой библиотеки. Он верит, что история вернет ему честное имя и надеется на заступничество знаменитого полярника Отто Юльевича Шмидта. «Если бы настоящий коммунист узнал, в чем дело, он пошел бы на геройство, чтобы добиться выслушивания меня». Все, что с ним происходит, для него особенно мучительно: «Как-то в голове не мирятся большевизм и абсолютная бессмыслица».

«Заключенный Литвинов Роман Николаевич – человек обаятельный. «Большой, добрый, веселый и умный» – так характеризует его внук-тезка. Соловки он называет школой физического выживания, командировкой и даже каникулами. «Обстановка у нас не тюремная, скорее студенческая», – пишет он любимой жене. Литвинову тоже нравится работа в химлаборатории: «Все-таки будет памятник соловецкому сидению!» Ему знаком творческий азарт: «Ты помнишь, какое удовольствие мне доставляло сооружение великих вещей из ничего?» «Ищем практическое решение проблемы, а наткнулись и справились с теоретической задачей! Это было очень весело!»

Он ироничен, наблюдателен, точен в определениях: «Уголовный элемент, как и везде, отвратите-

²⁴ ...Пребывает вечно. Т. 1. С. 205.

²⁵ Залыгин С.П. Экологический роман // Новый мир. 1993. № 12. С. 23.

²⁶ ...Пребывает вечно. Т. 1. С. 25.

лен, хотя его и не так много, но зато экземпляры первоклассные»; «Тут первоклассное скотоводство, коровы – великолепные аристократки...» Среди союзников упоминает «театралов», наружность которых такова, «что рука невольно хваталась за карман с единственной ценностью – трубкой»; «образованного перса с цитатами из Гафиза и Саади» и возницу, «лошадиное начальство», с которым был «разговор о Пушкине и его библиотеке, ибо оно – пушкинист».

В письмах Литвинова есть пронзительно-нежные строки, посвященные жене и сыну: «До сих пор осталось чувство “кольца”, т.е. хотя кольцо осталось дома, я все еще чувствую его на пальце... Вероятно, если бы ты была бы и не очень хорошая, я бы все-таки тебя очень любил – потому что уж очень ты мне подходишь... В моей теперешней жизни мне не на что жаловаться, главное страдание – это невозможность быть с тобой и с вами. Идешь по лесу, видишь черное, как траурные материи, небо, дорога в глубоком снегу, а с запада дышит теплый морской ветер. Это хорошо, так хорошо, что хочется петь – и думаешь, и бормочешь под нос какое-нибудь нежное имя... Скажи Кольке, что мне очень нравятся его стихи о петухах и курицах и что я прошу его сочинить стихи для меня. Расскажи ему, что к нам на аэроплане привезли черно-бурых лис и выпустили прямо в лес».

На одной из страниц книги – картина Н.К. Рериха «Скалы и утесы», серия «Ладога», 1918. Из письма Литвинова: «Если подняться на пригорок у нас на дворе – то видно море, угрюмое, с гранитными валунными мелкими островами, при виде которого вспоминается песня Варяжского гостя и картины Рериха. Вообще, он, видимо, был в этих местах, и они отразились в его картинах». «Живу хорошо в скиту, в лесу, в хорошем доме с лабо-

раторией, приличная библиотека, вполне удовлетворительная компания, сколько угодно приятных упражнений, вроде колки дров (занятие, мною монополизированное)», – пишет Литвинов младшей сестре Любе, он очень переживает ее арест и ссылку в Тару. «Я очень подружился с одним московским ученым <...> живем мы с ним в одной комнате, но это делает разговоры более частными и интересными. Действительно это хорошая компенсация многих неприятностей. Он очень близко знал тех литературных светил, которыми мы в свое время увлекались, и рассказывает про них очень интересные подробности. Кроме этого, он часто говорит со мной на темы научные из области точной науки, в которой он глубоко разбирается, а иногда касается и не точной науки. В общем, это дает мне в отношении научного общения во много раз больше, чем я получил за все время работы в университете от своих сотоварищей <...> В отношении поэзии наши вкусы сошлись абсолютно, хотя относительно Фета мы не сторговались»²⁷.

Литвинов относит Флоренского к «людям первого порядка», обсуждает с ним трансцендентные вопросы; оба «балуются стихосложением» и хвалят друг друга. Он пишет о Павле Александровиче: «Мы тут, к счастью, изолированы от широких лагерных масс... Разговоры наши очень редко касаются злободневных островных тем, как будто бы мы и не были островитянами. <...> Тихо беседуем. О чем угодно, начиная с философских и исторических тем, переходя то на поэзию и теорию стиха, то на термодинамику или органическую химию. Нужно сказать, что я редко встречал настолько образованного человека и глубокого. В то же время он очень беспомощен в таких простых делах, как например, ну, забивка гвоздя, путается в арифметических действиях и к тому же бесконечно дели-

²⁷ ...Пребывает вечно. Т. 1. С. 460.

Н.К. Рерих. Скалы и утесы. Из серии «Ладога». 1918. Музей имени Н.К. Рериха

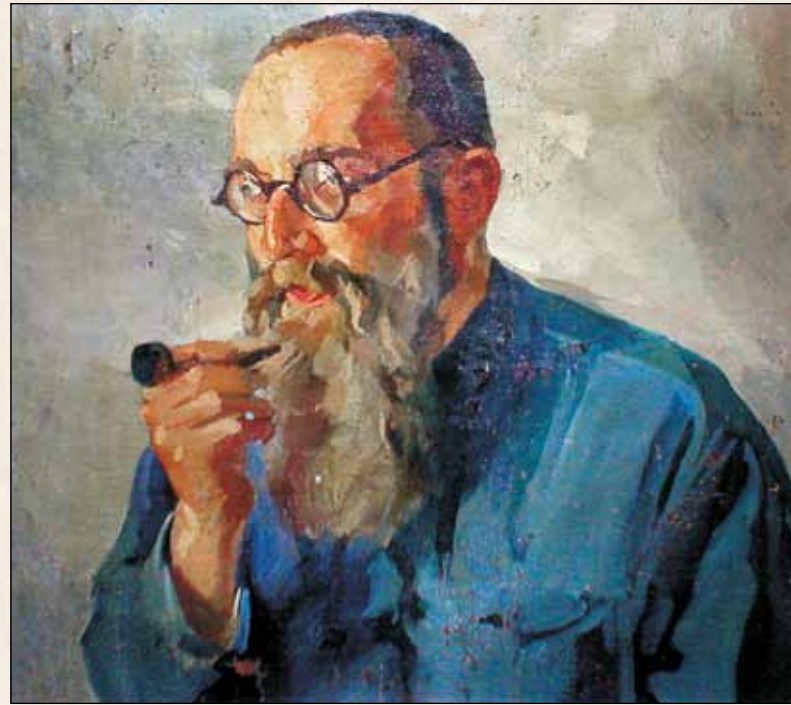
катен, так что даже когда делаются глупости – он делает вид, что это, видимо, так и надо».

Письма – жанр субъективный по определению, замечает П.В. Флоренский в предисловии, но они и мифологичны. Написанное несет лишь отблеск страданий тех, кто жил в ожидании мученической гибели, в неизбежности которой они не сомневались. Из письма П.А. Флоренского – А.М. Флоренской, О.П. Флоренской, детям Василию, Кириллу, Ольге, Михаилу, Марии-Тинатин (5–7 ноября 1934 года, спустя месяц после приезда на Соловки):

«Уже давно пришел я к выводу, что наши желания осуществляются, но осуществляются и со слишком большим опозданием и в неузнаваемо-карикатурном виде, – пишет он жене Анне Михайловне. – Последние годы мне хотелось жить через стену от лаборатории – это осуществилось, но в Сквородине. Хотелось заниматься грунтами – осуществилось там же. Ранее у меня была мечта жить в монастыре – живу в монастыре, но в Соловках. В детстве я бредил, как бы жить на острове, видеть приливы-отливы, возиться с водорослями. И вот я на острове, есть здесь приливы-отливы, а м.б. скоро начну возиться и [с] водорослями. Но исполнение желаний такое, что не узнаешь своего желания и тогда, когда желание уже прошло».

Дочери Ольге Павел Александрович рассказывает в этом же письме, что, работая в библиотеке «над устройством красной доски», слушал по репродуктору концерт Моцарта и «Аппассионату» Бетховена. «Хоть и знаешь, что хорошо, но каждый раз снова удивляешься, до чего это хорошо – предельно, дальше идти некуда и не к чему. Какая прозрачность, какая ясность и чистота!» Вспоминает, что недавно на Морсплаве удалось прочесть Расина, трагедию «Александр Великий» о Македонском – «произведение, считающееся сравнительно слабым, как одно из первых. Но меня удивило, как оно хорошо, как хрустально». Тиночке пишет про птицу гагу, которая дает самый лучший пух, про водоросли – «некоторые очень красивые, розовые, как лепестки роз», про то, что в здешнем лесу сплошные черничные и голубичные заросли – «гораздо лучше, чем в Сквородине» (семья приезжала туда к нему, и счастливые воспоминания скрашивали его дни).

В примечании – сведения о лагерной библиотеке, где Флоренский слушал музыку. Библиотека была отдушиной для многих заключенных. В то время Павел Александрович жил еще не при химлаборатории вместе с Литвиновым, а в камере, где было пятьдесят человек («люди совсем ко мне неподходящие, очень неудобно»). Рассказ Юрия Чиркова о библиотеке, который приведен в при-

Заключенный Роман Николаевич Литвинов.
Портрет работы заключенного
Ю.А. Решетникова. 1935

мечании, невозможно не процитировать: «...около 30 тысяч томов и несколько тысяч переплетенных журналов по всем отраслям знаний <...> Фонды библиотеки сначала складывались из книг, привезенных первыми тысячами заключенных <...> После умертвий или освобождения хозяев эти микро-библиотеки передавались в лагерную библиотеку с экслибрисами и гербами, с дарственными надписями и заметками на полях. Можно было встретить автографы Менделеева и Тургенева, фельд-маршала Милютина и Пржевальского, графа Витте и барона Будберга...»²⁸

Поле культуры, существовавшее в этом намоленном месте с его духовно-интеллектуальными накоплениями, противостояло «новым Соловкам» и побуждало к творческому размышлению. В каждом письме, «словно зерна, разбросаны мысли, идеи, ждущие всхода». На «работах по копке земли» Флоренский-ученый думает о кристаллической структуре гранитных и прочих валунов ледникового происхождения; наблюдая северное сияние – о теории цветного зрения; слушая шум примуса, приходит к выводу, что он «действует на голову и нервную систему» потому, что «генерирует звуковые колебания». С дочерью Ольгой, любимой собеседницей, Павел Александрович обсуждает самые трудные мировоззренческие вопросы. Из письма, написанного 8 февраля 1935 года:

²⁸ ...Пребывает вечно. Т. 1. С. 224–225.

В саду. Слева направо: Василий и Кирилл Флоренские, П.А. Флоренский с Тикой, Оля Флоренская, М. Флоренская с Миком, Катя Гиацинтова, Н.П. Гиацинтова. Загорск, лето 1932 г. Фото В.П. Флоренского. Архив семьи Флоренских

«Дорогая Олечка, ты просишь написать тебе о Тютчеве и Достоевском, которых ты неправильно объединяешь как единомышленников. Однако, между ними – глубокое различие, не только по личному складу, но и по основным установкам мироощущения и мировоззрения. <...> Хаос у Тютчева, как и у древних греков, есть высший закон мира, которым и движется жизнь. <...> Тютчев выходит за пределы человечности, в природу, Достоевский остается в пределах первой и говорит не об основе природы, а об основе человека. Когда же он возвышается до тютчевского мироощущения, то основу природы называет *Землю* – понятие весьма близкое к тютчевской “Ночи”: “Жизнь полюбить прежде ее смысла”, это уже довольно близко к Тютчеву...»²⁹

«Два образа, если говорить о новой истории, о близком к нам времени, от детства и донны мне были и остаются особенно дорогими: Гёте и Фарадея, – писал он Ольге в декабре 1934 года. – Они любили художественные образы, которыми они мыслили, и радовались им. И потому их творчество было не службой, а “самую жизнью”. Мику в этом

же письме рассказывает о йодистом калии: «Это вещество – любимый реактив Михаила Фарадея, моего самого любимого из ученых». На книжном развороте рядом с портретами Гёте и Фарадея – титульный лист книжки с набранным разными шрифтами увлекательным названием: «ЗАГАДКА МАГНИТА. Повесть о жизни и трудах Майкла Фарадея, бывшего маленьким переплетчиком и ставшего великим ученым. С приложением его шести занимательных бесед для юношества под заглавием “История свечи”». Внизу титульного листа – мелко, но по полному чину: «Центральный Комитет Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Издательство детской литературы». А написали эту книжку, узнаём из предисловия, священник М. Шик и княгиня М.Д. Шаховская, которые были друзьями П.А. Флоренского и имена которых он упоминать в письме опасался. Это особого рода интеллектуальное наслаждение для читателя – следовать лабиринтами мысли Павла Флоренского и лабиринтами книги, радуясь и удивляясь «перекликам» текстов писем с иллюстрациями и комментариями, наблюдая воочию,

²⁹ ...Пребывает вечно. Т. 1. С. 380–383.

как сталкиваются и противостоят друг другу разные культурные слои, разные стилистики времени.

Узкая газетная полоска. Интервью: «Внучка Пушкина о себе и других потомках знаменитого поэта». Флоренский вырезал ее из газеты «Правда» (апрель 1935), чтобы послать Ольге вместе с нарисованной им от руки генеалогической схемой родства Пушкиных с Гоголями и Быковыми. Вглядываемся в газетные строчки:

«...Как видите, потомки Пушкина – честные труженики советской родины... – Удовлетворяет ли вас пенсия Совнаркома? – О, вполне, заявляет Мария Александровна. И в заключение беседы, прижимая к себе шестилетнего внука: – А этот октябренок уже декламирует стихи своего знаменитого предка».

На страницах одного из писем – два малыша, два Васи: Вася Флоренский, 1912 год, сын Павла Александровича, и его старший правнук, тоже Вася Флоренский, снимок 1971 года, возле домика «в три окошечка», где жил прадед. Рядом – портрет скульптора Голубкиной и бюст В.Ф. Эрнэ ее работы (она была знакома с Флоренским по ВХУТЕМАСу, а этот бюст, оказывается, хранится в его доме в Сергиевом Посаде). «...Вспоминаю Анну Семеновну Голубкину, – пишет Павел Александрович жене, – сколько уже на своем веку я потерял родных, близких, знакомых. Мне жаль, и было и есть, что дети мало восприняли крупных людей, с которыми я был связан, и [не] научились от них тому, что обогатило бы лучше книг»³⁰.

Тревога о детях сквозит в каждом письме:

«Хоть бы вы все были веселы и радостны, только этого хочу <...> скажи им всем, как я их люблю и как страдаю, что ничем не могу помочь им в жизни»; «Не беспокойся³¹, что Мик делает ошибки, это пройдет <...> Его грубиянство тоже пройдет, я в Мике уверен, поэтому потерпи, не раздражайся и не огорчайся <...> Дети пишут с ошибками от рассеянности, которая происходит вследствие напора мыслей. Но это естественное явление возраста и роста, и беспокоиться о нем нечего»; «Надо Ольгу беречь, она находится в таком возрасте, когда бывают особенно чувствительны ко всяким толчкам жизни, поэтому старайся не сердиться на нее, когда она делает что-то не так, как надо».

О Тике: «...постарайся, чтобы ее детство было хоть сколько-нибудь радостным. Рассказывай ей что придется, это даст ей и развитие, и интерес». «Дорогая Тика, очень скучаю по своей дочке

и думаю, как она растет без своего папы <...> Тебе было бы как раз бегать здесь на лыжах, но когда нет ветра...»; «В Кремле множество чаек, все они кричат, галдят, квохчут, издают индюшечьи звуки, плачут, но в отличие от своих звуков красивы, особенно когда летят. И вот слышал я у них разговор. Одна чайка сообщает другой, что она недавно из Москвы и была в городе, называемом Загорском. И говорит, а есть там девочка, Тика, у нее матросское платье...» Горло перехватывает, когда слушаешь эту сказку, придуманную отцом для маленькой дочери, с которой он навсегда разлучен. Письма так счастливо наполнены любовью, дают такой эмоциональный заряд, такую радость общения, такое живое ощущение семьи, что их хочется читать вслух за большим столом, под абажуром, и чтобы дети, внуки сидели рядом, рассматривали картинки и задавали детские вопросы... Они пробуждают ностальгию по хорошей русской речи и высокому строю чувств русской классики.

Павла Александровича мучила невозможность передать накопленный опыт, знания своим детям. «Меня эта беспомощность угнетает более всего. Ведь все, что я приобрел за свою жизнь, приобретал для вас, чтобы вы сделали следующие шаги, шаги по уже проведенной дороге, там, где удалось ее проложить»³². Любимой Ольге отец рассказывает о наследственных качествах рода Флоренских, о важности самовоспитания, духовной тренировки: «Этот род отличался всегда инициативностью в области научной и научно-организаторской деятельности. Флоринские³³ всегда выступали новаторами, начинателями целых течений и направлений – открывали новые области для изучения и просвещения, создавали новые точки зрения, новые подходы к предметам. Интересы Флоринских были разносторонние – история, археология, естествознание, литература. Но всегда это было *познание* в тех или иных видах и организация исследования...»³⁴ «Со стороны рода моей матери, а твоей бабушки наследственность выражается в ярком ощущении материи и конкретного мира. Красота материи и ее положительность – вот что унаследовали мы от рода моей матери...»³⁵

Пересказывать содержание писем – занятие неблагодарное, их нужно читать целиком, подряд, делая остановку только для того, чтобы перевести дыхание и принять в сердце смысл, «красоту и положительность» сказанного. Последнее письмо в первом томе. П.А. Флоренский – О.П. Фло-

³⁰ ...Пребывает вечно. Т. 1. С. 474–480.

³¹ Сохранена приставка *без* вместо *бес* как принципиально значимая для писавших. С. 20.

³² Там же. С. 538.

³³ Так писалась фамилия в XVIII в. А еще раньше ее писали Флиоринские и Флёринские. С. 508.

³⁴ Там же. С. 531.

³⁵ Там же. С. 532.

ренской, А.М. Флоренской, детям Василию и Кириллу (16–23 мая 1935).

Письмо большое, неделю оно прирастало новыми подробностями, размышлениями, тревогой о близких. «Очень беспокоюсь и вообще, и в частности за Олю», – пишет Павел Александрович Анне Михайловне. «...Относительно двора ты хорошо делаешь, что думаешь его засадить. Помнишь, как мы переехали в этот дом, во дворе была

желтая акация, на которую лазил Васюшка <...> Хорошо бы, в частности, посадить рябинку...» (В примечании: рябинку посадили, и называлась она «бабушкина рябинка».) Здесь же – о навигации, о водорослях, агар-агаре; Васюшке – о капельном и микрохимическом анализе и о походной лаборатории в шкатулке. Пишет о себе: «Размышляю, как и прежде, о пространстве в связи с вопросами физики и неевклидовой геометрии», «веду

Зосима и Савватий – соловецкие чудотворцы. Икона. 1560-е гг.

лекции по математике довольно квалифицированным слушателям». И еще – о соловецких чайках, о лисах, о здешних коровах («очень красивые») и о маленьком олененке, его вскармливают молоком и рыбьим жиром, «очень лез ко мне и так тыкался мордой, что я еле держался на ногах. Очень милый зверь, как и вообще олени». Пишет о гео-биохимии, фитопалеологии, о Радиевом институте и радиоактивности – не она ли обостряет урскую болезнь³⁶ (спустя полвека внук Флоренского вплотную столкнется с изучением этой проблемы как участник экспертной Чернобыльской комиссии). Сыну Кириллу Павел Александрович рассказывает, что в пятом пушкинском томе нашел интересные сведения об «Истории пугачевского бунта» и о родословной Орловых, потомков стрельца Адлера, «пощажённого Петром В. [Великим] за его хладнокровие перед плахой».

Последняя картинка в первом томе – загадка А.Ф. Вангенгейма о примусе для маленькой Элички («Какой такой: дышит рукой, головой горит и пищу варит?»)

Последняя цветная фотография – «Березы на берегу бухты Благополучия».

Весна 1935-го. До тридцать седьмого еще два года.

Продолжение следует³⁷.

О многом со свойственным истинному русскому интеллигенту стоицизмом размышлял священник Павел Флоренский в своем соловецком заточении:

«...современник никогда, кажется, не оценивает современника справедливо: мелочи жизни, случайности впечатлений, наконец, личные столкновения и интересы затуманивают перед ним то главное и наиболее достойное учета, что становится видно через десятилетия.

Помнишь ли “Путешествие вокруг Луны” Жюль Верна? Так вот и я чувствую себя, особенно в эти последние дни: как будто лечу я в ядре среди безвоздушных пространств, отрезанный ото всего живого, и только вас вспоминаю непрерывно <...> больше всего думаю о вас, моих дорогих, бедных»³⁸.

Тысячелетие, в которое вступил мир, предъявляет нам, читающим сегодня эти послания из

тридцатых годов прошлого века, новые вызовы. Пессимисты-культурологи предостерегают: мы становимся рабами и заложниками современных технологий, в том числе информационно-политических, рабами Интернета; в поисках оптимального земного обустройства сталкиваемся с несовершенством человечества как вида. Оптимисты, наоборот, полагают, что Интернет воспитывает навык свободного общения, возрождает культуру письменной речи и – через хаос и размежевание – прокладывает путь к гармонической самоорганизации общества.

Так или иначе, но русский язык – единственная, как считал классик, поддержка и опора «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий» о судьбах родины, о судьбах культуры на бездорожье времени – потеснен современным волапюком. А письмо в конверте, написанное от руки, давно уже стало анахронизмом. Новое продвинутое поколение, внуки внуков тех, для кого современниками были соловецкие узники, отталкиваясь от прошлого, ищут новые смыслы, выстраивают «индивидуальный Космос сознания». Они пытаются дать свое определение «образу мира, в который плюхнулось наше сознание в период великих катаклизмов глобализации XX века, сместивших со своих мест границы времен и культур. Цивилизации наплыли друг на друга, как в древности – материка, и нам очень непросто в этом сдвинутом мире найти ориентиры. Как бы ни были хороши, умны, высокогуманны парадигмы прошлого, наш мир требует своих решений...»³⁹.

Неужели и вправду всё смешалось в нашем доме и прервалась цепь времен (Павел Флоренский приводил слова шекспировского Гамлета в более точном переводе: «время вышло из своих пазов»)?

Несомненно одно: новые токи жизни пробивают новые русла, и на этом пути книга «...Пребывает вечно», послания соловецких мучеников и стойков, пронизанные счастливым ощущением бытийного естества во всех его измерениях, верой в тех, кто придет им на смену, верой в одухотворенную, очеловеченную науку будущего, – один из жизнедательных источников, где можно найти опору и пищу для размышлений о нашем сегодня и о нашем завтра.

³⁶ Эндемический остеоартроз.

³⁷ В феврале 2012 вышел второй том книги «...Пребывает вечно. Письма П.А. Флоренского, Р.Н. Литвинова, Н.Я. Брянцева и А.Ф. Вангенгейма из Соловецкого лагеря особого назначения». В него вошли письма за период 18 мая 1935 г. – 8 февраля 1936 г.

³⁸ ...Пребывает вечно. Т. 1. С. 528.

³⁹ М. Изотова. Духовная реальность / Буклет выставки Л. Ниточкиной «Откровения». МЦР. 2012.